

На правах рукописи

Тюрина

ТЮРИНА Мария Николаевна

КРАТЧЕЧЕСКАЯ РОЛЬ ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата философских наук

- 2 ДЕК 2010

Ростов-на-Дону

2010 год

Диссертация выполнена на кафедре исторической культурологии
факультета философии и культурологии
ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет»

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Штомпель Олег Михайлович

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Минасян Лариса Артаваздовна

доктор философских наук, профессор
Скрипник Константин Дмитриевич

Ведущая организация: НОУ ВПО «Южно-Российский гуманитарный
институт»

Защита состоится 25 ноября 2010 года в 14.00 на заседании
диссертационного совета Д 212.208.11 по философским наукам при Южном
федеральном университете по адресу: 344038, г. Ростов-на-Дону, пр.
Нагибина, 13, факультет философии и культурологии, ауд. 434.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ЮФУ (г.
Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 148).

Автореферат разослан «21» октября 2010 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

М.В. Заковоротная

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В XX-XXI вв. особый интерес со стороны гуманитаристики обретает проблема влияния языка как на обыденную, так и на «официальную» деятельность людей. На протяжении всей своей жизнедеятельности индивид и общество в целом используют различные языковые средства для достижения своих целей. С развитием демократических политических институтов, партийной конкуренции, средств массовой информации воздействие языка на все сферы жизни человека расширяется. Функции языка весьма многообразны. Так, например, язык выступает средством для поддержания жизни, спасения человека. С.Жижек приводит такой пример: когда из всех пассажиров затонувшего лайнера спаслись только два человека, у них спросили, каким образом они смогли продержаться столь долгое время, не обладая ни особыми физическими данными, ни средствами спасения? Ответ был таков: «Мы разговаривали». С.Жижек подчеркивает, что в нашей жизни язык часто выполняет роль «спасательного круга». И наоборот, при помощи языка, как показал В.Руднев, можно совершить убийство, довести человека до смерти¹.

Традиция представления языка как одного из определяющих средств влияния на сознание народа принадлежит В.Гумбольдту. Из своего «круга языка», который «окружает» народ, можно выйти только тогда, когда человек пересекает эту языковую границу и «входит» в культуру другого народа, другого языка. Гумбольдтовские идеи развивал российский лингвист А.А.Потебня, который считал, что не только народное сознание формируется и существует через язык, но и сама логика, и стиль мышления связаны с языком. С его точки зрения, владение двумя языками означает, что индивид не формирует некий синтетический образ и стиль мышления, единую культуру, а может, переходя с одного языка на другой, изменить «колею своей мысли». А.А.Потебня сравнивает владение двумя языками с двумя

¹ См.: Руднев В.П. Язык и смерть // Логос. - 2000. - # 1(22).

железнодорожными путями, которые расходятся в разных направлениях, двигаются по разной местности, и человек, говорящий то на одном, то на другом языке, сравнивается со стрелочником, который отправляет поезд своей мысли то в одном направлении, то в другом.

Конечно, нельзя говорить, что индивид полностью «порабощен» языком. Но никто, пожалуй, не будет оспаривать мысль М.Хайдеггера о том, что язык родной культуры является для индивида домом его бытия и «самым интимным лоном культуры».

В настоящее время особо актуальной становится задача исследования когерентности социокультурного и языкового образов мира, опыта обыденной жизни и опыта, связанного с глобальной языковой коммуникацией. По-видимому, дальнейшей тенденцией развития философских исследований в области языка будет поиск нередукционистской и недуалистической характеристики соотношения языка и мира, языка и культуры. Нас в рамках заявленной в работе темы будет интересовать прежде всего вопрос о прагматическом аспекте данного взаимодействия, т.е. проблема связи внеязыковых форм опыта и языковых форм опыта в контексте властных отношений в культуре.

В настоящее время проблемы глобализации современного социума наиболее явно отражаются в сфере изменения языковой культуры личности и социума. Именно здесь происходит активный процесс взаимодействия социокультурных, ментальных, политико-организационных и т.д. факторов, связанных с глобальной информатизацией общества, становлением нового типа экономики и культуры.

Данная ситуация, как считают многие специалисты, может иметь и негативные последствия. Так, в связи с глобальной экспансией английского языка возникают лингвистические элиты – люди, для которых английский является родным. В результате появляется возможность манипулировать сознанием других людей. В конце концов данное обстоятельство ведет к

тому, что возникает нежелание как в самих англоговорящих странах, так и в других изучать другие иностранные языки.

Дж.Стайнер отмечал, что умышленная или неумышленная экспансия английского языка оказывается средством разрушения естественного лингвистического разнообразия, и данный процесс является мощной экологической угрозой для культуры нашего времени.

Рассуждая в этом же духе, культурологи и лингвисты заговорили о «вестернизированной элите» (Б.С.Ерасов), «интеллектуальном колониализме» (А.Воронов), «интеллектуальном гетто» (Д.Кристал). Однако, как считает И.Клюканов, глобализация власти так называемого «базового» английского ведет к эрозии не только национальных языков и культур, но и к упрощению самого английского, ибо культура, разрушающая другие культуры, подрывает основы собственного существования, лишаясь источника новой социокультурной информации.

Кроме того, не могут не настораживать многочисленные факты возрождения архаических форм культуры в ходе бездумной модернизации, столкновения и жесткого противостояния инновационного и традиционного в культуре, кризисного развития современного социума, что отражается соответствующим образом в языке и культуре. При помощи языка арханка утверждает свою власть в культуре, легитимизирует в глазах людей примитивизированные властные отношения.

Таким образом, в современных условиях актуализируется задача теоретического осмысления проблем кратического статуса языка в культуре глобального общества.

Степень разработанности проблемы. В классических философских исследованиях власть понималась как такое отношение между людьми, которое давало возможность осуществлять свою волю одним по отношению к другим. Еще Платон и Аристотель, исследуя дихотомию «господин – раб», выводили истоки власти из понятия воли. В эпоху средневековья власть сакрализировалась, а начиная с Макиавелли возникла проблема светского

характера власти. В европейском либерализме еще Локком и Гоббсом власть рассматривалась сугубо рационалистическим образом. У К.Маркса и Ф.Энгельса проблема власти была сконцентрирована вокруг политической власти, являющейся в конечном счете отражением экономических производственных отношений. В настоящее время исследуются самые различные виды власти – начиная от политической и заканчивая семейной.

Феномен власти языка в языковой культуре зафиксирован многими известными учеными – начиная с В.фон Гумбольдта и заканчивая Р.Бартом.

По мнению Э.Сепира, было бы большой ошибкой считать, что мы полностью осознаем действительность, не прибегая к языку, и что язык является не главным, а побочным средством, которое предназначено для решения частных проблем, связанных с общением и мышлением. В действительности, по мнению классика лингвистики XX века, реальный мир на бессознательном уровне «строится» индивидом на основе языковых норм данной социокультурной группы. Именно языковые нормы социума дают возможность нам определенным образом видеть, слышать и воспринимать окружающую действительность. Эту точку зрения поддерживает Б.Уорф, считающий, что большинство специалистов, говоря о влиянии норм употребления слов, не идут дальше признания некой гипнотической силы философского или научного языка, а также различного рода модных слов и лозунгов. «Ограничиться только этим – значит не принимать сути одной из важнейших форм связи, которую Сепир усматривал между языком, культурой и психологией... Мы должны признать влияние языка на различные виды деятельности людей не столько в особых случаях употребления языка, сколько в его постоянно действующих общих законах и повседневной оценке им тех или иных явлений»².

² Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку//Языки как образ мира. М.-СПб., 2003. С.158.

О мощнейшем влиянии второй сигнальной системы, связанной с речью человека, на возникновение и развитие социума и культуры писал Б.Ф.Поршнев. Именно его перу принадлежит гипотеза о социогенезе человека, где важнейшую роль играет суггестивное воздействие, через которое одна часть палеоантропов подчиняла себе другую. В его работах синтетическим образом объединены данные из антропологии, психологии, археологии, истории языка и истории культуры, эволюционных теорий, и возникновение речи, мышления, искусства связывалось прежде всего с феноменом суггестии. Он считал, что вторая сигнальная система изначально возникла как система принуждения: «Вначале, в истоке, вторая сигнальная система находилась к первой сигнальной системе в полном функциональном биологическом антагонизме. Перед нашим умственным взором отнюдь не «добрые дикари», которые добровольно подавляют в себе вождения и потребности для блага другого: они обращаются друг к другу средствами инфлюации, к каковым принадлежит и суггестия, для того чтобы подавлять у другого биологически полезную тому информацию, идущую по первой сигнальной системе, и заменить ее побуждениями, полезными себе»³. Недаром в культуре первобытного общества утверждалась идея магической связи между словом и вещью, между именем и родовой сущностью человека. Именной код культуры, о котором писал М.К.Петров, имел в своей основе первобытные представления о «телесности слова и словесности тела».

Языковая суггестия, существующая в настоящее время в различных формах и пронизывающая собой все сферы человеческого взаимодействия и общения – от бессознательного до сознательного уровня, - усиливается при помощи специальных языковых маркеров – суггестем, которые активно воздействуют на поведение индивидов, на их предпочтения в выборе тех или иных смыслов культуры. При этом следует особенно подчеркнуть, что этот выбор часто осуществляется помимо нашего интеллектуального контроля.

³ Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. М., 1974. С.417.

Власть языка, проявляющаяся в формировании того или иного образа и культурной картины мира человека, которая вплетена «естественным» образом в ткань межкультурной коммуникации, может существовать и в социально-организованной форме. Тождество слова и дела, исходящее из максимы «сказать что-либо – значит сделать что-либо», реализуется как в старых как мир формах заговоров, заклятий, магических ритуалов, так и в современных аутогенных тренировках, рекламе и т.п. Особенно ярко выражается власть слова в политической сфере. Еще Муссолини, один из родоначальников фашистской идеологии и фашистского движения, говорил: «Слова имеют огромную колдовскую силу». Его программу «фашизации масс» называли «семантическим терроризмом», который привел в конце концов к возникновению тоталитарного «антиязыка».

О мощном воздействии языка на «программирование» действий человека, морфологию его культуры, говорили Ф. де Соссюр, А.А.Потебня, М.М.Бахтин и др. Недаром К.Маркс утверждал: «Мы – рабы слов».

Формирование языковых стереотипов является необходимым элементом установления властных отношений как в социальной группе, так и в социуме в целом. Эти стереотипы играют роль своеобразного социокультурного фильтра, который не дает возможности осознать множество мыслей и переживаний, способных помешать включенности личности в данную властную структуру⁴. Говоря о «надзирающей» и «направляющей» функции языка Э.Фромм писал: «Наш язык не обеспечивает нас словами, необходимыми для описания многих внутренних переживаний, не соответствующих схеме наших мыслей»⁵.

Л.Витгенштейн подчеркивал, что значение слова есть не что иное, как его «употребление в языке». Отсюда и само произнесение слов, с его точки зрения, это лишь часть разнообразных социальных практик, которые и

⁴ Иванов А.В. Университетские лекции по метафизике. М., 2004. С.424.

⁵ Фромм Э. Из плена иллюзий//Фромм. Э. Душа человека. – М., 1992. С.346.

образуют оригинальные «формы жизни». Само понимание тех или иных языковых выражений – это не чисто познавательный процесс, а, напротив, направленное вовне действие. Отсюда для нас важно в теории языка подчеркнуть приоритет «содержательно-фактических» характеристик языкового опыта, уменьшение значимости его «формально-структурного» измерения.

Различие между когнитивными и перформативными высказываниями, введенное Остином, имеет значение для данной диссертационной работы прежде всего в следующем аспекте: перформативные высказывания существуют не просто автономно от мира и действительности, но и обладают особым творческим воздействием на внешний мир. Ведь «эксплицитные» перформативы, т.е. те высказывания, которые реализуются во время выполнения различных ритуалов – бракосочетания, оглашения судебного приговора и т.д. – являются не просто неким внешним сопровождением этих процессов, а производят вполне реальные изменения в них. Власть языка здесь проявляется в том, что произнесенные определенным образом слова и фразы в некоторых условиях ведут к «перереформативанию» самой социокультурной действительности.

Отсюда и возникает задача построения философии языка вне лингвоцентризма. Эта идея была разработана в феноменологической герменевтике Х.Липпса и Х.Г.Гадамера. Иначе говоря, в контексте этих идей можно утверждать, что речь есть не просто отражение некой социокультурной реальности, а ее необходимый модус.

В неклассической философии сама природа власти как идеологической рациональной конструкции, подконтрольной разуму, пересматривается. Этот пересмотр начался с Ф.Ницше, для которого в основании существования лежит безличная воля к власти. Различные формы деятельности, например, познавательной деятельности, оказываются отражением этой воли – в форме воли к истине. В структурализме и постструктурализме эти идеи Ф.Ницше были восприняты и развиты на новой основе. У М.Фуко в его исследованиях

археологии знания структуры власти были показаны как принципиально децентрализованные и лишённые иерархической структуры с возглавляющим их центром – Сувереном. Власть оказывается вездесущей и, по мнению М.Фуко, относится к сфере бессознательного, раскрывается на микросоциальном уровне, в ходе самораскрытия индивида и кристаллизуется в социокультурных институтах и политической гегемонии⁶. Для Р.Барта власть кроется «в самом начале языка». Язык – это отнюдь не нейтральное средство коммуникации, он имеет идеологическую природу, которая и обеспечивает языку социальную и культурную действенность, т.е. дискурсивность. Для этого и предназначены механизмы вторичного означивания. Индивид оказывается втянутым во властные отношения благодаря собственно употреблению языка, который и является одной из первичных форм принуждения.

Р.Барт определяет логосферу как вербально-дискурсивную сферу культуры. Именно она проявляется в языковом строе и является четко выраженной характеристикой специфики ментальной и коммуникативной парадигм, лежащих в основе культурных и властных отношений. Р.Барт выделяет два типа социолектов: это внутривластные и вневластные, или энкратические и акратические. Связь власти и дискурса далеко не всегда бывает прямой и очевидной. Если в законодательстве фиксируется какой-либо запрет, то его дискурс уже бытийствует через систему ценностей и норм правовой культуры. Собственно язык власти всегда идеологичен, он «оснащен», если вспомнить К.Маркса, структурами преобразования, переворачивания с ног на голову. Однако и акратический дискурс не оппонирует открыто власти. К примеру, психоаналитический акратический дискурс напрямую никоим образом не полемизирует с властью. Это связано с тем, что язык и власть не скованы воедино политическими отношениями, в действительности они связаны через механизм культуры. Речь власти осуществляется, если использовать язык Аристотеля, через доксу (мнение),

⁶ См.: Фуко М. Археология знания. Киев, 1996.

т.е. через то, что кажется в сфере обыденного сознания естественным, само собой разумеющимся, хотя и недоказанным. Если акратический дискурс всегда направлен против доксы, ибо он парадоксален, то энкратический структурируется в соответствии с ней.

В дальнейшем проблема власти исследовалась Ж.Делезом и Ф.Гваттари, которые радикализовали постмодернистскую концепцию власти языка, представленную как вторичный продукт «производства желания». В целом постмодернизм пытался исследовать власть через различные формы принуждения, которые реализуются помимо сознания человека. Отсюда в методологическом плане постмодернисты центр своего исследовательского внимания концентрируют не на дефиниции власти языка, а на его систематическом описании.

В социолингвистике и лингвокультурологии одним из главных признаков дискурса является контекст, который связан с противопоставлением того, что сказано, и того, что имелось в виду. Отсюда определяется ситуация общения, и интерпретация дискурса связана с учетом социокультурных условий, в которых осуществляется сам процесс коммуникации.

В социальной семиотике Р.Ходжа и Г.Кресса создана модель «логономической» системы, в которой формируются языковые условия осуществления власти одной социальной группы над другой. Эта логономическая система является своеобразным набором предписывающих правил, в рамках которых производятся и воспринимаются смыслы передаваемой языковой информации. В ней определяются следующие условия: кто имеет право устанавливать, а кто – получать эти смыслы, какие темы могут наделяться смыслами и в каких модальностях происходит «распредмечивание» данных смыслов. Данные элементы власти в культуре, реализуемой через язык, стандартизированы в этикете поведения, в законодательстве, в нормах производственного и социального общения.

Согласно идеям П.Бурдьё, у низших и высших социальных слоев общества существуют различные права на речь, что означает возможность узурпации в обществе права свободно говорить в той или иной среде или ситуации, осуществлять цензуру, сообщать новости и выносить необходимые оценочные суждения. П.Бурдьё, говоря о трех видах капитала – экономическом, культурном и символическом – выдвигает идею существования лингвистического рынка, где появляется возможность торговать так называемым символическим товаром, превращая его в экономический капитал. Различные социокультурные группы имеют и различное право на речь, в связи с чем и формируется стратегия поведения на лингвистическом рынке. Социокультурный статус индивида или группы людей в обществе дает им преимущество в формировании и осуществлении символической власти благодаря их «монополии на слово».

Таким образом, в философии культуры, лингвокультурологии, социолингвистике, антропологической и политической лингвистике накоплен обширный материал по вопросам кратической функции языка в социальной, политической, быденной и т.д. сферах жизни человека и общества. Однако можно констатировать, что обобщающих работ в рамках специальности 24.00.01 – теория и история культуры (философские науки), связанных с анализом различных модусов языковой власти в современной культуре глобализирующегося общества, нет.

Объектом исследования является взаимосвязь языка и культуры.

Предметом исследования выступает кратический статус языка в современной культуре.

Цель диссертационной работы заключается в определении значимости модусов языковой власти в культуре современного транзитивного, глобализирующегося общества. Данная цель реализуется в решении следующих задач:

- описание теоретико-методологических основ исследования;
- анализ власти дискурса в жизнедеятельности «языковой личности»;

- изучение сущности языковой власти в культуре современного общества;
- исследование языка власти в моностилистической культуре;
- определение власти архаики в культуре транзитивного общества;
- фиксация тенденций развития власти языка в культуре глобализирующегося общества.

Теоретико-методологические основы исследования. В данной работе мы исходим из представления о культуре как внегенетическом механизме наследования социокультурного опыта (Ю.М.Лотман), основываемся также на деятельностной концепции культуры, включающей в себя и аксиологическую составляющую (Ю.А.Жданов, В.Е.Давидович, Г.В.Драч). Опора на идеи Г.Фреге, Л.Витгенштейна, Дж.Остина, специалистов в области языковой прагматики позволило вывести наш исследовательский интерес за пределы языка как замкнутой языковой системы. В результате в центре внимания оказались также формы социокультурного опыта, не обладающие явными языковыми чертами, - такие как властные отношения, межкультурная коммуникация. Активная роль языка в культуре проявляется в реализации последним кратических функций, что было рассмотрено в концепциях Р.Барта, П.Бурдьё, теории «логономической системы» Р.Ходжа и Г.Кресса и др.

В качестве одной из базовых методологических составляющих диссертационной работы служит понятие «языковая личность». В культурологии языковая личность, рассматриваемая на основе триады «личность - язык - культура», исследуется как целостность, содержащая в себе и духовный, и психический, и социальный, и этический компоненты. Специфика личностного определения индивида в языке заключается в том, что сама речедетельностная способность рассматривается не просто как использование языка в речи вообще, а как акт личностной самореализации в речевом поступке (Ф.Растье). Данное понятие - «языковая личность» - возникает в последние десятилетия в рамках антропологической

лингвистики. Наш подход к определению понятия «культура языковой личности» прежде всего связан с понятием «логосфера культуры», которое разрабатывал Р.Барт.

Важнейшим методологическим принципом диссертационного исследования является принцип комплементарности, исходя из которого кратическая роль языка в культуре рассматривается на основе как классических, так и постмодернистских взглядов на власть языка.

В работе также использовался социокультурный, диалектический, историко-культурный, компаративистский методы исследования, теоретические концепты, сложившиеся в теории культуры, лингвокультурологии и социолингвистике.

Научная новизна диссертации выражается в следующих положениях:

- показано, что кратическая роль языка в современной культуре, реализуемая через систему институциональных и неинституциональных дискурсов, механизмов массированного суггестивного воздействия на сознание людей, монополизации и демонополизации «права на речь», проявляется в ходе формирования моностилизма или полистилизма в культуре;

- зафиксировано, что постмодернистская языковая революция, разрушающая четкую рубрикацию языковых дискурсов, их власть над личностью, является выражением в логосфере культуры транзитивности, неопределенности современного развития;

- доказано, что процессы деградации социума в условиях современного кризиса отражаются в языковой культуре и ведут к воспроизводству власти архаики в культуре современного общества;

- определено, что язык власти в тоталитарном обществе является эффективным инструментом культурной легитимизации идей и ценностей тоталитаризма и, одновременно, вербальным индикатором социокультурной полноты построения соответствующих социальных и политических структур;

- продемонстрировано, что политика языкового империализма, утверждающего власть английского языка в его американизированном варианте в пространстве глобальной культуры, ведет к дискриминации национальных культур, укреплению власти англоговорящих элит и, парадоксальным образом, к примитивизации самого английского языка.

Тезисы, выносимые на защиту:

1. В аналитической и феноменологической философии XX в. произошло переосмысление методологических и теоретических позиций, связанное с глубоким и всеобъемлющим интересом к языку, его отношению к культуре и социальной действительности. «Лингвистический поворот» в философии и философии культуры привел в конце концов к выходу философии языка в его различных вариантах за пределы собственно языковой проблематики, к представлению о неразрывности языковых и неязыковых форм социокультурного опыта, формально-структурных и содержательных аспектов языка. С этой точки зрения – преодоления «лингвоцентризма» - власть языка есть необходимый атрибут социокультурной действительности. Язык в данном контексте не только отражает, но и «перематрирует» ее.

2. В ходе рационализации и секуляризации общества и культуры терялась власть священных слов и тех социальных слоев, кому делегировалось право их произносить, и язык тем самым, потеряв свою смысловую сакральную окраску, становится, с одной стороны, главным средством манипуляции массовым сознанием, и, с другой стороны, рационализированным продуктом массового производства, частью символического капитала. В результате логосфера культуры оказывается не только пространством инкультурации индивида, формирования развитой «языковой личности», сферой введения ее в мир институализированных и неинституализированных дискурсов, но и средой, в которой осуществляется массивное суггестивное воздействие на сознание человека при помощи индустрии моды, политической рекламы, средств массовой информации и

т.д. Различные социальные слои теряют свое «право на речь», возникает возможность подавления их языковых практик.

3. Монополизация «права на речь» той или иной социальной группой или классом, создание действенного механизма политической цензуры, подавление прав и свобод личности, укрепление диктатуры одной партии и т.д. ведет к формированию моностилистического языкового дискурсивного пространства, поддерживаемого всеми силами аппарата управления и принуждения и репрезентативностью той групповой культуры, которая распространяется на весь социум. Язык не просто изменяется в пространстве тоталитарного общества, но и сам становится орудием установления новых культурных ценностей и идеалов, укрепления господствующей власти. «Новояз» тоталитаризма является вербальным индикатором завершенности построения социокультурной структуры тоталитаризма и, одновременно, моделью, своеобразной «абсолютной идеей», по образцу которой «формируются» отношения между людьми во всех сферах социальной жизни.

4. Наличие и количество в логосфере культуры тех или иных акратических и энкратических языковых дискурсов, степень их влияния на действия индивидов зависит от конкретной исторической и социокультурной ситуации. В эпоху постмодерна, «дефицита реальности» происходит «атомизация» общества, разрушение макронарративов, фрагментация и денерархизация социокультурного пространства, в результате чего трансформируются коренным образом взаимодействия участников социокультурной коммуникации, являющихся ядром того или иного институционального языкового дискурса. В связи с этим в современной культуре происходит своеобразная языковая революция, разрушающая и размывающая четкую рубрикацию языковых дискурсов, их власть над личностью. Свобода в обращении со словом становится структурирующим элементом в полистилистической культуре.

5. «Рисковая» парадигма развития современной цивилизации чревата многочисленными кризисами, связанными с разрушительным

противостоянием глобализации и глокализации, «инновационным хаосом», утратой доверия к финансово-экономическим и политическим институтам общества. В кризисные периоды развития социума деструкция логосферы приводит к «варваризации» общества, к активизации архаических дискурсов и социальных слоев, находившихся на периферии социокультурного космоса. В условиях «культурного вакуума» архаические элементы культуры начинают осуществлять регулируемую роль в социуме, что ведет к дальнейшей примитивизации, регрессу языковых дискурсов и усилению власти языковой архаики.

6. Глобализация социокультурных и экономических контактов связана в настоящее время с установлением власти английского языка в качестве языка межкультурного общения. Экспансия английского в его «базовом» варианте имеет не только позитивное значение, но и может привести к «лингвистическому империализму», «лингвофагии», утверждению власти вестернизированной культуры. Однако в результате «имперского» воздействия и сам «базовый английский» теряет свою национально-культурную специфику, распадается на множество вариантов, что не способствует реальному диалогу культур.

Научно-практическая значимость исследования. Результаты диссертационной работы позволяют углубить теоретические представления в области теории и истории культуры, лингвокультурологии, социальной философии, политической философии, связанные с проблемами влияния языка на культуру.

Полученные результаты можно использовать в преподавании общих и специальных курсов по культурологии, лингвокультурологии и философии. Они имеют значение для преподавателей иностранных языков, политиков и дипломатов.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования отражены в 7-ми публикациях общим объемом 1,9 п.л. и выносились на обсуждение на 3-х конференциях: V Российском

философском конгрессе (Новосибирск, 2009), международной научно-практической конференции «Человеческий капитал и перспективы инновационного развития России» (Ростов н/Дону, 15 мая 2008 г.) и Всероссийской научно-практической конференции «Современные проблемы межкультурных коммуникаций: язык, культура, общество» (Ростов н/Дону, 2009).

Результаты, полученные в ходе исследования, использовались в ходе преподавания курсов, связанных с изучением английского языка и культуры в Южном федеральном университете.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих семь параграфов, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень её разработанности, определяются объект и предмет исследования, формулируются его цель и задачи, определяется научная новизна и практическая значимость работы, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе – «**Властный статус языка в культуре: сущность и методология исследования**» – выявляются теоретико-методологические основы исследования.

В первом параграфе «**Лингвистический поворот**» в философии и теоретико-методологические принципы изучения взаимодействия языка и культуры» исследуется комплементарный характер концепций и теорий, фиксирующих проблему власти языка.

В первой половине XX века в феноменологической и аналитической философии произошел теоретический и методологический сдвиг, получивший название «лингвистический поворот». Особый теоретический

интерес к языку оказал всеобъемлющее и глубокое влияние на всю философскую и гуманитарную культуру в целом.

Эволюция аналитической философии языка привела к радикализации позиции «лингвистического поворота», в результате чего философско-логический анализ сменился изучением «нормального» языка и привел к выходу исследовательского интереса за пределы языка как замкнутой языковой системы. Этот поворот означал, что в центре внимания оказались различные формы опыта, не обладающего явными языковыми чертами. Такие тематические области мира, как социальное действие, межличностная коммуникация, политические отношения, этнокультурное взаимодействие и т.д. «открылись» глазам исследователей, первоначально ориентированных непосредственно на область языка. Произошло «обмирщение» аналитической философии языка, лингвистическая философия потеряла в результате свою узкую предметную направленность, ее границы постепенно размывались. Данная эволюция проходила под воздействием идей Фреге и раннего Витгенштейна и привела в результате к языковой прагматике Брэндома и Дэвидсона.

В результате проблемы языка изучались поздним Витгенштейном и Остином через связь «тематического» и «перформативного». Подобная тематизация языка, выявление связи семантического и прагматического его измерения наблюдается и в ходе развития философской герменевтики. Конечно, векторы собственного развития феноменологии и аналитики языка противоположны. Если аналитическая философия языка шла от научного языка к повседневному миру, то феноменологическая приходила к коммуникативной и поэтической речи от объективного мира. Однако в обоих случаях наблюдается возникновение структурной связи между перцептивным и языковым опытом.

С этой точки зрения появляется задача построения философии языка вне лингвоцентризма. Эта идея была разработана в феноменологической герменевтике Х.Липпса и Х.Г.Гадамера.

Семантика языка в результате оказывается по содержанию гораздо беднее, чем та информация о мире, которой владеет человек. Отсюда раскрывается значимость высказанной В.Гумбольдтом мысли о том, что язык не является некой совокупностью готовых этикеток, а выступает в качестве промежуточной реальности, отражающей прежде всего отношения человека к предметам окружающего мира. Отсюда и гипотеза Сепира-Уорфа, где данная идея проводится значительно более жестким и определенным образом.

В целом развитие постаналитической философии повседневности и герменевтической постфеноменологии парадоксальным образом дополняют друг друга по проблемам взаимодействия языка и культуры. Философия языка в ходе своего развития выходит за предметные рамки классической лингвистики, вводя в свой научно-исследовательский оборот другие предметные области. Обращение к языковым проблемам осуществляется и противоположным образом – как следствие изучения таких вопросов, которые изначально не были сориентированы на собственно языковую проблематику. Отсюда следует, что, исходя из принципа комплементарности, во-первых, основная тема диссертационной работы может быть раскрыта через сочетание сложившихся методологических подходов в изучении взаимодействия языка и культуры и, во-вторых, проблема «власти языка», столь активно изучаемая в постмодернизме, совместима с анализом кратического статуса языка на уровне социокультурного рассмотрения.

Второй параграф «Языковая личность» в логосфере культуры: власть дискурса» посвящен изучению властной стороны отношений, складывающихся в логосфере как вербально-дискурсивном поле культуры, и месту «языковой личности» в них.

Само понятие «языковая личность» первоначально сложилось в области филологических наук. В современных же условиях культурологический подход в изучении проблемы «языковой личности» является наиболее перспективным, поскольку опирается на вычленение

культурных ценностей, норм и идеалов, которые, собственно, и лежат в основе коммуникативной деятельности и властных отношений. Данное обстоятельство связано и с тем, что язык изучается в настоящее время в тесной связи с практической деятельностью, когнитивными и культурными характеристиками человека.

Языковая личность начинается по ту сторону обыденной речи и языка. Только тогда, когда в языковую игру вступают интеллект, духовность в высоком смысле этого слова, когда устанавливается структура и иерархия смыслов и ценностей культуры в культурной картине мира индивида, только тогда можно говорить о развитой языковой личности.

Опираясь на идеи Р.Барта о логосфере культуры, в диссертации рассматривается система дискурсов, благодаря которым и осуществляется власть над личностью.

В современной логосфере существуют юридический, религиозный, административный, деловой, научный, педагогический и т.д. институциональные дискурсы. Наличие и количество тех или иных языковых дискурсов зависит от конкретной исторической ситуации и, в связи с этим, в современном обществе возникает проблема своеобразной языковой революции, когда в связи с деинституционализацией современного постмодернистского общества разрушаются социокультурные институты, в соответствии с чем и трансформируются коренным образом властные взаимодействия различных пар участников коммуникации, являющихся ядром того или иного институционального дискурса. Речь идет, например, о священнике и прихожанине, журналисте и читателе, учителе и ученике и т.п.

Языковая культура личности напрямую зависит от того, насколько большим количеством вариантов дискурсивных шифров и практик обладает данный индивид. При этом нужно иметь в виду, что чем больше развита в социальном смысле культура, тем большее количество статуйрованных дискурсов в ней существует. Отсюда и разработанная П.Бурдьё концепция осуществления языковой власти.

Человек еще на заре своей истории вырабатывал механизмы сопротивления воздействию языка на свое сознание. Здесь достаточно вспомнить гипотезу Б.Поршнева о возникновении человека, общества и культуры, где главную роль играют механизмы суггестии и контрсуггестии. Сам язык, по Б.Поршневу, возникает из этого взаимодействия в качестве способа избавиться от контроля своего поведения и сознания со стороны палеоантропов. Власть языка наиболее явно проявляется в ходе развития и «окультуривания» ребенка. Взрослые в этом плане обладают языковой монополией и эффективно ее используют в целях манипулирования действиями ребенка.

Власть языка над индивидом проявляется в статусно-ориентированных дискурсах. Если в личностно-ориентированных дискурсах в общении участвуют индивиды, знающие и доверяющие друг другу, раскрывающие в диалоге свой внутренний мир, пытающиеся донести до других индивидуальные смыслы, то в статусно-ориентированном дискурсе диалог осуществляется прежде всего как диалог представителей тех или иных социокультурных групп (В.И.Карасик). Здесь общение носит институализированный характер, т.е. индивиды реализуют в отношении друг к другу свои статусно-властные возможности.

Слова, речевое поведение, речевой этикет являются специфическими социокультурными маркерами, которые переосмысливаются в различных дискурсах, и знание ключей этого переосмысления есть показатель принадлежности индивида к тому или иному социальному институту, показатель его властных возможностей в данной социокультурной ситуации.

Таким образом, языковая культура является не только средством инкультурации индивида, вхождения его в социум, в логосферу культуры, в мир институциональных и неинституциональных дискурсов, но и средой формирования властных отношений в современном обществе и культуре.

В третьем параграфе «Власть языка в культуре современного общества» изучается сущность языковой власти в современной культуре.

Наиболее древним способом осуществления языковой власти над людьми является употребление так называемой магии власти и магических средств как в политической, так и в культурной жизни народа. Как известно, магия основана на идее, что слова, определенные действия, знаки и символы обладают особой силой, благодаря которой можно воздействовать как на саму реальность, так и на человека. Собственно, как отмечает Г. Лассвелл, и сама лингвистика как наука во многом возникает из практической необходимости властного воздействия языка на сознание людей.

В ходе секуляризации общества власть священных слов и людей, которым делегировалось право их произносить, терялась. Многие уходящие вглубь истории культуры смыслы слов терялись, и язык, который, по словам Хайдеггера, был самой священной из всех ценностей, рационализировался, избавлялся от глубоких культурных смыслов и в Новое время стал главным средством осуществления власти и манипуляции сознанием. Провозглашенная в буржуазных демократиях свобода слова, собственно, и превращала слова в систему безличных элементов, которые теряли свою одухотворяющую, «божественную» силу. Но это превращение языка в орудие господства одних социальных слоев над другими вело и к разрушению самого языка.

Язык как один из элементов символического капитала сам стал рационализированным продуктом массового производства.

Исследуя проблему взаимоотношения власти и языка, Р. Барт описывал различные типы языковых дискурсов в ходе сопоставления разделения статуса структур языка и структур власти. В его анализе власть рассматривается как социокультурный институт, существующий объективным образом и зафиксированный в устоявшихся социальных отношениях через систему «жестких социальных фактов». В этом смысле его постановка проблемы отличается от классической для постмодернизма идеи власти языка. В своих работах «Война языков» и «Разделение языков» Р. Барт исследует два варианта решения поставленной им проблемы. Речь идет о

противопоставлении языка и власти и об отношениях «сотрудничества». Нейтралитета между ними быть не может. В результате возникают два типа языковых дискурсов: энкратические и акратические. Акратический язык характеризует парадоксальный стиль мышления, играет дефинициями и тем самым дистанцируется от власти, использующей нечеткость и нерелексивность энкратического языкового дискурса для воздействия на массы. В результате получается, что любой национальный язык – это разделенный язык и так называемая «война языков» возникает, когда обществом продуцируются различные социальные движения, массовые психологические реакции, обострение социальных конфликтов. В итоге национально-культурные коммуникации разрываются, и люди перестают понимать друг друга. В дискурсивном пространстве культуры господствует тот, кто действует с позиций «силы». Подчеркнем, что акратический языковой дискурс, хотя и отделен от власти, тем не менее, не лишен некоторого властного потенциала.

Конечно, Р.Барт не утверждает позицию полного соответствия структуры языка и социальной структуры власти. Его анализ носит гораздо более тонкий характер. Ведь кроме языков различных классов и социальных групп существуют многочисленные зоны «перехода», промежуточные элементы, содержащие в себе кентаврческие языковые образования. Язык массовой культуры, распространяемый средствами массовой информации, является всепроникающим, кажущимся индивиду «естественным», само собой разумеющимся, «липким» (Р.Барт). Благодаря ему сознание человека массы наполнено различного рода банальностями, расхожими мнениями и не противоречит той идеологии, которая распространяется властью.

С возникновением общества массового потребления возникает целый корпус литературы, где подробнейшим образом рассматриваются способы и характер языкового воздействия на покупателей. Языковые средства, используемые рекламой для того, чтобы манипулировать, наиболее эффективно воздействовать на сознание людей, исследуется тщательнейшим

образом – вплоть до нахождения архетипических образов и соответствующих им способов их выражения. В XX в. приобретает огромное значение политическая пропаганда и язык политики, благодаря чему утверждаются массовые идеологии, выигрываются выборы, легитимизируется тот или иной государственный строй.

В настоящее время политические технологии воздействия на сознание избирателя приобретают все более изощренный характер. Образуется целая индустрия, где спич-райтеры, имиджмейкеры, специалисты в области психологического воздействия и контроля, политической рекламы создают все новые и новые формы языкового воздействия на сознание публики.

Во второй главе – «Модусы языковой власти в современной культуре» – исследуется взаимодействие языковой и социокультурной форм опыта в контексте властных отношений в современном социуме и культуре.

Первый параграф «Язык революционной власти» содержит анализ кратической роли языка в культуре революционного общества.

Исследование властного статуса языка в культуре предполагает и установление соотношения между языком и тем или иным социокультурным институтом или группой. Этот методологический принцип проводил Ф.Брюно в работах, посвященных истории французского языка. В транзитивных социумах, в революционную эпоху происходит резкая политизация языка. В период ломки, разрушения старых политических, юридических, экономических устоев язык ориентирован на создание новых идей, идеалов, ценностей и смыслов культуры.

Согласно Р.Барту, оппозиция акратического и энкратического дискурсов разрушается во время социально-политических революций: изменение политической власти, соответственно, реализуется и в изменении власти языка. «Так бывает с политическим языком в период революции: язык революции возникает из прежнего акратического языка; придя к власти, он сохраняет свою акратичность, пока в лоне Революции продолжается

активная борьба, но как только борьба стихает и вновь утверждается государственность, бывший революционный язык сам становится *доксой*, энкратическим дискурсом»⁷.

Энкратический язык – «размытый, текучий и всепроникающий» пропитывает собой все поры общества – от экономики до повседневного общения и массовой культуры. Он поддерживается всей мощью государственного аппарата, являясь, однако, несистемным по своему устройству. Энкратический дискурс не является монополией власти, его принимают все, кто хочет ее добиться мирным, неревлюционным путем. Он, в отличие от акратического дискурса, «не террористичен», производит впечатление «естественности», «природности», соответствия «здравому смыслу».

Акратический дискурс эпохи революций ведет к определенным «властным» трансформациям в языке. Специалисты отмечают, например, что происходит переименование социально значимых профессий, институтов, должностей, мест. Так, министр превращается в народного комиссара, солдат – в красноармейца, офицер – в командира, жалование – в зарплату, полицейский – в милиционера и т.д. Истоки данной традиции мы найдем в глубинах первобытной культуры, где идеальное и материальное, язык и вещь не были отделены друг от друга. Собственно, первобытная магия и заключалась в том, что при помощи словесного воздействия оказывалось влияние как на природу, так и на человека. Агрессивная природа акратического дискурса продемонстрирована в диссертации также на примере плакатов, распространяемых в России во время революции и гражданской войны.

Во втором параграфе «Язык власти в моностилистической культуре» осуществляется исследование специфики кратической роли языка в моностилистических культурах XX в. (в отличие от полистилистических).

⁷ Барт Р. Разделение языков // Избр. работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. /Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К.Косикова. - М.: Прогресс, 1989. С.529.

Согласно П.Бурдые, различные социальные группы имеют свое право на речь. Следовательно, возникает возможность подавления речевых практик со стороны господствующей социальной группы или класса. Политическая цензура или цензура в средствах массовой информации, в сфере идеологии является действенным механизмом создания моностилистического языкового пространства. Когда определенная социальная группа или политическое движение присваивает себе право выдвигать определенные идеи, ценности, создавать свой язык, идеологии, искусства, формы общения и т.п., то возникают условия для тоталитарно-государственного формирования логосферы культуры. Институциональный языковой дискурс, господствующий в социальных группах, поддерживается всеми силами и материальными возможностями со стороны аппарата управления и принуждения. Моностилистическая языковая культура предполагает формирование этого единого антиличностного языкового дискурсивного пространства. Конечно, жизненность тоталитарной культуры зиждется не только на единообразии, подавлении и насилии, но и на репрезентативности той культуры группы, которая распространяется на весь социум. Иначе говоря, для большинства населения ценности, выраженные в базовых понятиях логосферы культуры, оказываются приемлемыми и выражающими их умонастроение, взгляд на мир, способы ориентации в социальном пространстве.

В тоталитарных обществах язык стремительно видоизменялся. Анализируя язык Третьего рейха, В.Клемперер выделил такие качества языка, как агрессивность, размытость, символичность, пейоративность, то есть когда давным-давно возникшим словам придается новое, суженное значение, примитивизированный смысл, в результате чего они приобретают негативный оттенок. Подобные системные изменения языка, связанные с появлением огромного количества новых слов, жесткой агрессивностью, размытой символичностью и т.д., мы находим в любых тоталитарных режимах XX века, стремящихся к жесткому установлению нового

культурного порядка и ломающего «старую» структуру культурных символов, смыслов и значений.

Можно сказать, что язык изменяется, не просто попадая на почву тоталитаризма, не только в результате адаптации к новой социокультурной ситуации, но и сам является одним из главнейших инструментов установления и утверждения новой власти. Это не просто эффективное орудие идеологического воздействия – в определенной степени язык конструирует социокультурную тоталитарную реальность, являясь своеобразной моделью, по образцу которой формируются взаимоотношения между людьми. Кроме того, новояз тоталитаризма, приобретший целостность и завершенность, есть вербальный индикатор определения завершенности и самой социальной структуры тоталитарного общества. Данное обстоятельство дает возможность исследователям через анализ статусности слов, системный анализ логосферы проникнуть в сущностную специфику той или иной социокультурной системы. Помимо этого язык тоталитаризма представляет собой явную, чувственно воспринимаемую «картину» тоталитарного сознания и властных отношений в культуре.

Третий параграф «Власть языковой архаики в культуре транзитивного общества» посвящен исследованию процессов архаизации языковых дискурсов, релевантных трансформации властных отношений в условиях острого социокультурного кризиса.

Модернизационные процессы в современном мире, инновационная парадигма развития, становящаяся глобальной тенденцией цивилизационных изменений, чреватые многочисленными кризисами, связанными с «инновационным хаосом», активной борьбой с традициями, «вестернизацией» и т.д. Социокультурный кризис, как отмечал еще Й.Хейзинга, в качестве одного из своих последствий ведет к «варваризации» культуры, когда в условиях аномии и «культурного вакуума», на поверхность цивилизованного общества «всплывают» архаические элементы культуры, которые начинают осуществлять регуляционную роль в жизнедеятельности

индивида и социума. Этот процесс затрагивает и логосферу культуры, что ведет к архаизации дискурсов и возникновению власти языковой архаики. Формы проявления кризисной архаизации многообразны и возникают в различные транзитивные периоды жизни индивида и общества.

Язык как один из элементов символического капитала сам стал рационализированным продуктом массового производства. С этим связаны и значительные изменения, которые происходят в русском языке в перестроечный и в постперестроечный период. Советский тоталитарный языковой дискурс разрушается, и возникают новые дискурсы, отражающие необходимость агрессивного воздействия на сознание и деятельность людей и требующие переосмысления старых значений и их замену новыми. По мнению В.Т.Костомарова, это происходит через интенсивную коллоквиализацию и жаргонизацию словоупотребления⁸.

Специалисты отмечают активное проникновение маргинальных стратегий поведения в «серединные» слои российской культуры в постперестроечные кризисные годы, что проявилось и в языке.

Язык является «естественной» средой обитания, и логика мысли, и весь образный строй жизни индивида, его сознания погружены в пространство языка. При этом нужно отчетливо понимать, что в различных локусах социокультурного пространства действует свой язык, благодаря которому формируется как языковая политика, реализуются властные отношения, так и действует своя логика осмысления действительности. В качестве примера можно привести язык зоны. Здесь действует жесткий механизм, выработанный, по мнению специалиста по истории психологии Б.Поршнева, еще в первобытном обществе: деление на «своих» и «чужих». Причем одним из главных признаков этого разделения, определяющим место индивида во властной иерархии, является речевое поведение заключенного, знание им

⁸ Костомаров В.Т. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. Изд. 3. - СПб., 1999. Гл. II.

тюремного аргю. Изменение речевого поведения ведет и к трансформации тех ценностей, которые человек приносит «с воли».

Наиболее интенсивно процессы архаизации культуры проявляются в периоды войн, революций, социокультурных катастроф. Это отчетливо видно, к примеру, в плакатах эпохи революции 1917г. в России и последующей за ней гражданской войны. Язык плакатов лаконичен, и воздействие слова на сознание человека подкрепляется здесь системой образов, раскрывающих культурную семантику лозунгов.

Война в любых ее проявлениях является формой агонального противостояния, предполагающего уничтожение своего противника любыми способами и методами. Язык плаката ориентирован прежде всего на архаические страты человеческой психики с тем, чтобы вызвать соответствующую агрессивную реакцию, снимающую цивилизованный флер с поведения индивида. Основная мифологема революционных плакатов, впрочем, как и других плакатов, связанных с войной, представляет мир, поделенный на две «половинки», где действуют светлые и идеальные образы, а им противостоят чудовища, теряющие человеческий облик. В плакатах такого типа поражает огромное количество сцен насилия, где герои уничтожают существа, лишь отдаленно напоминающие людей. Язык плакатов лаконичен, существует в форме короткого приказа, зовущего к действию на уничтожение.

Следует особо отметить, что власть архаики в языковой культуре современного общества проявляется и латентным, не столь явным, как в периоды острых социокультурных кризисов, образом.

В четвертом параграфе «Языковой империализм» в культуре глобализирующегося мира» рассматривается проблема власти языка в процессах глобализации.

Проблемы глобализации современного социума наиболее явно отражаются в сфере изменения языковой культуры личности и общества. Именно здесь происходит активный процесс взаимодействия

социокультурных, ментальных, политико-организационных и т.д. факторов, связанных с глобальной информатизацией общества, становлением нового типа экономики и культуры. Внешним проявлением языковой глобализации служит широчайшее распространение английского языка, прежде всего за счет взрывного роста сети Интернет, где 80% информации фиксируется и передается именно на этом языке.

Данная ситуация, как считает Д.Кристал, может иметь и негативные последствия. Так, возникают лингвистические элиты – люди, для которых английский является родным. В результате появляется возможность манипулировать сознанием других людей. В конце концов данное обстоятельство ведет к тому, что возникает нежелание как в самих англоговорящих странах, так и в других изучать иные иностранные языки. Дж.Стайнер отмечал, что умышленная или неумышленная экспансия английского языка оказывается средством разрушения естественного лингвистического разнообразия, и данный процесс является мощной экологической угрозой для культуры нашего времени.

В настоящее время английский язык существует в разных вариантах: можно, например, говорить об ирландском, канадском, австралийском, южно-африканском, индийском, американском и т.д. разновидностях английского, которые отнюдь не способствуют межнациональному общению, а довольно-таки часто тормозят его. Таким образом, возникает противоречивая ситуация, когда все более широкое распространение английского языка приводит к его «размыванию» и упрощению.

Широкое распространение английского связано и с тем, что называют «лингвистическим империализмом», экспансией языка с использованием методов властного и силового давления. Подобного рода экспансия сопровождается, как правило, экономическое, культурное, интеллектуальное и т.д. «имперское» воздействие. В результате широко заявленный лозунг «диалога культур» оборачивается в реальности процессами лингвофагнии, «пожирания языков».

Власть английского над глобализирующимся миром, которая во многом зиждется на доминировании экономики США, может рухнуть, поскольку, как показывают кризисные события 2008-2010 гг., финансовая и экономическая мощь Америки базируется на весьма хрупком фундаменте. И если в глобальном мире будет сформирован новый экономический порядок, то это необходимым образом приведет к культурно-языковой экспансии со стороны других центров силы в формирующемся многополярном мире.

В «Заключении» подводятся итоги исследования, формулируется ряд выводов, намечаются пути дальнейшего исследования проблемы.

Результаты исследования представлены в следующих публикациях:

1. Тюрина М.Н. Личность – язык – культура: полистилизм и моностилизм // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2008. № 4. – 0,5 п.л.
2. Тюрина М.Н. Динамика языковой культуры в глобализирующемся мире // электронный научно-образовательный журнал «Гуманитарные и социальные науки». 2009. № 1. http://hses-online.ru/2009/01/09_00_13/07.pdf – 0,4 п.л.
3. Тюрина М.Н. Сравнительный анализ зарубежных теорий образования // Сб. «Современные информационные технологии в образовании: Южный Федеральный Округ». - Ростов-на-Дону, 2006. (в соавт.). – 0,2 п.л.
4. Тюрина М.Н. Языковая культура личности как фактор формирования человеческого капитала // Человеческий капитал и перспективы инновационного развития России. Сб. материалов междунар. науч.-практ. конференции 15 мая 2008 г. – Ростов н/Дону: НМЦ «Логос», 2008. – 0,2 п.л.
5. Тюрина М.Н. Использование возможностей глобальных компьютерных сетей в учебном процессе // Сб. «Современные информационные технологии в образовании: Южный Федеральный Округ». - Ростов-на-Дону, 2008. (в соавт.). – 0,2 п.л.
6. Тюрина М.Н. Власть языка в культуре // Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции «Современные проблемы межкультурных коммуникаций: язык, культура, общество». - Ростов н/Д, 2009. – 0,3 п.л.
7. Тюрина М.Н. Власть языка в глобальном мире // Материалы V Российского философского конгресса «Наука. Философия. Общество». Т.1. - Новосибирск: НГУ, 2009. – 0,1 п.л.

Сдано в набор 19.10.2010. Подписано в печать 19.10.2010.
Формат 60x84 1/16. Ризография. Печ. л. 1,4.
Бумага книжно-журнальная.
Тираж 100 экз. Заказ 1910/01.

Отпечатано в ЗАО «Центр универсальной полиграфии»
340006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140,
телефон 8-918-570-30-30
www.copy61.ru
e-mail: info@copy61.ru